
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XV

**Сборник научных статей по монголоведению
посвящается 90-летнему юбилею монголоведа, преподавателя
Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета
Зои Кононовны Касьяненко**

St. Petersburg
2015

Редакционная коллегия: доктор филол. наук И. В. Кульганек (председатель), доктор филол. наук Л. Г. Скородумова, доктор ист. наук Т. Д. Скрынникова, доктор ист. наук К. В. Орлова, канд. филол. наук Н. С. Яхонтова
Рецензенты: канд. филол. наук М. П. Петрова, доктор филол. наук С. Л. Невелева
Редактор английского текста выпуска: канд. филол. наук Д. А. Носов
Эл. адрес: kulgan@inbox.ru

Edited by: D. S. (Philology) I. V. Kulganek, D. S. (Philology) L. G. Skorodumova, D. S. (History) T. D. Skrynnikova,
D. S. (History) K. V. Orlova, Ph. D. (Philology) N. S. Yakhontova
Peer-reviewed by: Ph. D. (Philology) M. P. Petrova, D. S. (Philology) S. L. Neveleva
Editor of the English text: PhD (Philology) D. A. Nosov
e.mail: kulgan@inbox.ru

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Монголика-XV: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. — 104 с.

Пятнадцатый выпуск журнала «Mongolica» посвящен 90-летию юбилею крупного ученого, монголоведа-языковеда, старейшего преподавателя Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета Зои Кононовны Касьяненко, отдавшей преподавательской деятельности на кафедре монгольской филологии более пятидесяти лет. Выпуск имеет разделы: «Историография, источниковедение», «Литературоведение, фольклористика, лингвистика», «Рецензии», «Наши юбиляры», «Наши переводы». В журнал вошли статьи российских и зарубежных специалистов. Рецензии на новые книги и отчеты о проведенных научных мероприятиях по монголоведению увеличивают ценность выпуска. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монголоязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение. Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The fifteenth edition of the «Mongolica» magazine is dedicated to the 90th anniversary of outstanding scientist, Mongolian linguist, the eldest professor of Oriental faculty of St. Petersburg State University, Zoya Kononovna Kasyanenko, who gave teaching at the department of Mongolian philology more than fifty years. This issue consists of the following parts: «Historiography and Source Studies», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews», «Our anniversaries», and «Our Translations». The articles are written by both distinguished scholars and young researchers in the field of Mongolian studies. Reviews of new books make the issue topical. The papers are written in keeping with the research priorities of modern Mongolian studies, with special regard to the matters of history and culture of the Mongolian ethnic groups, which gives the articles great social, historical and practical value. The issue will be of interest not only to scholars of Mongolian studies, but also to specialists in philology, history and culture, as well as to those interested in the history of Mongolian ethnic groups and Central Asia.

Литературный редактор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова
Корректор — Т. Г. Бугакова

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 23.11.2015. Формат 60×90 ¹/₈. Гарнитура основного текста «Таймс»
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 13 печ. л. Заказ №

ISSN 2311-5939

© Издательство «Петербургское Востоковедение», 2015
© Институт восточных рукописей РАН, 2015
© Коллектив авторов, 2015

Д. Н. Музраева

Сравнительные исследования монгольских и ойратских переводов буддийской литературы (основная проблематика)

Предмет статьи составляет комплекс проблем, связанных с изучением переводов произведений буддийской литературы на монгольский и ойратский языки. Автор отмечает важную роль переводных произведений буддийской литературы для истории литературы монголов и исследования литературных и культурных связей в Центральной Азии. Основные цели и задачи исследования переводных произведений буддийской литературы на монгольский и ойратский языки сформулированы в статье в виде отдельных положений, связанных с решением общих проблем на материале различных переводных текстов.

Ключевые слова: литература, буддизм, монгольские и ойратские переводы, проблемы исследования.

История изучения литератур монголоязычных народов в известной мере парадоксальна: творчество и произведения современных авторов привлекают внимание исследователей в заметно большей степени, чем ранние литературные памятники, по традиции связываемые либо с историей («Сокровенное сказание» и более поздние исторические сочинения), либо с буддийской литературной традицией. Причем сказанное относится не только к каким-то моментам истории литературного процесса у монголов и ойратов на разных временных срезах, но и к частностям, например к поэтике или стихосложению. Поэтому одной из весьма актуальных задач современного монголоведения является изучение тех аспектов развития литературы у монгольских народов, которые связаны хронологически и по материалу с самим процессом распространения буддизма среди монголоязычных народов и с его историко-культурными последствиями. Другие важные задачи исследования монгольской литературы раннего периода связаны с рассмотрением развития отдельных жанров конфессиональной литературы и тех литературных форм, которые в своем становлении в наибольшей степени зависят от буддийской философии, идеологии, этики. В более поздние периоды — вторая половина XVII—конец XIX—начало XX в., время культурных преобразований нереволуционного характера для всех монгольских народов — данные литературные формы и жанры являются хранителями и трансляторами этих культурных констант в иных историко-литературных парадигмах, утрачивающих преемственную связь с буддизмом или в той или иной форме дистанцирующихся от него, как это было с литературами времен соцреализма. Нет надобности повто-

рять, что, во-первых, так или иначе буддийская литература составляет историческую основу литератур монгольских народов, точно так же, как монгольская письменность в ее основных видах связана с распространением буддийских текстов среди монголов, и, во-вторых, наряду с оригинальными сочинениями монгольских лам исключительная роль в становлении и развитии буддийской литературы у монгольских народов, а равно и в использовании репертуара традиционных сюжетов и мотивов в произведениях позднейшего времени принадлежит переводным памятникам. В этом отношении изучение оригинальных и переводных произведений имеет равную значимость для характеристики литературного процесса, а изучение переводов, пожалуй, более важно для исследования становления литературных форм и литературного языка.

Усилиями монголоведов в минувшие десятилетия определился круг языков, с которых буддийские сочинения переводились на монгольский язык. Оригиналы сочинений, переведившихся монгольскими переводчиками, в самый ранний период знакомства с буддизмом были составлены на санскрите, позднее на монгольский язык переводились произведения, написанные также на китайском, уйгурском, тибетском языках и осознававшиеся монголами как принадлежащие единой конфессиональной и культурной традиции. Наиболее поздние переводы буддийских текстов (вплоть до второй половины XX в.) делались с тибетского языка, что, как представляется, связано с постоянством ориентации на Тибет как на колыбель монгольского буддизма и с ослаблением политических и культурных связей с другими регионами.

В содержательном отношении изучение переводных памятников монгольской литературы связано с определением языка оригинала и с конкретной историей изучаемого текста до времени появления его монгольского перевода, а вместе с этим — с влиянием языка непосредственного оригинала на литературную форму языка отдельных территориальных групп монгольских народов или сложившихся этносов. В равной степени важным представляется выявление и изучение разновременных связей и взаимодействия литературных парадигм — индийской, китайской, тибетской и собственно монгольской, которые в разные исторические эпохи характеризовались различной интенсивностью, определявшейся теми или иными историческими событиями.

Как известно, буддизм пришел к монгольским народам из Тибета. В первой половине VII в. установились контакты Тибета с буддизмом традиции махаяны, распространившимся из Хотана — южной части бассейна р. Тарим в Восточном Туркестане во время правления царя Сронцзангамбо (Сонгцен Гампо) (627—649), владения которого охватывали почти весь Тибет, северную часть Бирмы и, в течение некоторого времени, Непал [Кычанов, Мельниченко, 2005. С. 19—23]. К этому времени относится создание тибетской письменности на основе древнеиндийского алфавита с некоторым влиянием хотанской письменности. Первая волна буддизма пришла в Тибет преимущественно благодаря усилиям Падмасамбхавы, известного среди тибетцев как Гуру Ринпоче: под этими же именами он почитается и у монголов, и у ойратов. Падмасамбхава положил начало традиции Ньингма, или традиции «старых (переводов)», положившей начало переводам произведений буддийской литературы на тибетский язык и с тибетского на монгольский язык [Цендина, 2002. С. 119; Кычанов, Мельниченко, 2005. С. 35]. В конце VIII в., во время правления царя Тисрондэдзана (ТрисонгДецена) (755—797), было решено, что в Тибете будет принята не китайская (в форме чань-буддизма), а индийская форма буддизма [Кычанов, Мельниченко, 2005. С. 34—37]. Данное решение оказало влияние и на перспективы распространения буддизма у монголов, а ныне оно оказывает воздействие на задачи изучения культурных и религиозных институтов и письменных памятников: китайские буддийские тексты в своей литературной истории отстают дальше от монгольских, чем тибетские и индийские.

В середине IX в. в Тибете имели место гонения на буддизм, и традиция Ньингма продолжала существовать в основном тайно; возрождение буддизма в Тибете начинается с X в., когда настает период «новых (переводов)». Большую роль в развитии тибетского буддизма и его распространении на монгольские народы сыграл Дже Цонкапа (Цзонхава) (1357—1419), реформировавший одну из школ буддизма — Кадам и основавший традицию Новая Кадам, или Гелуг [Кычанов, Мельниченко, 2005. С. 62—63; Цендина, 2002. С. 128—131].

Одной из величайших фигур в тибетском буддизме является Далай-лама, его воплощения. Далай-лама I был учеником Цонкапы. Далай-лама V объединил весь Тибет и стал не только духовным, но и политическим лидером. Далай-лама являлся покровителем всего тибетского буддизма. Одним из учителей Далай-ламы V был Панчен-лама I, представлявший второе лицо в буддийской духовной иерархии [Цендина, 2002. С. 136—140].

Исследователь, изучающий переводные памятники в контексте истории монгольской литературы средних веков и ранних этапов нового времени, сталкивается с серьезными проблемами, связанными с теоретической неразработанностью вопроса — о роли переводов в развитии литературы, о специфике конфессиональной, в том числе буддийской литературы, об установлении хронологии и датировке переводов и определении источников переводов отдельных произведений. Укажем некоторые конкретные проблемы:

1. В первую очередь необходимо определить, что такое **переводная** литература, как она соотносится с литературой **оригинальной**?

2. Не менее сложным вопросом представляется вопрос о соотношении **национального**, возникшего и сформировавшегося внутри этнической культуры [Владимирцов, 2003. С. 66; Герасимович, 2006. С. 4—5, 13], и **заимствованного**, привнесенного в монгольскую литературу извне, в том числе с теми культурными явлениями и институтами, которые сформировали феномен этой литературы. В период средних веков переводная литература, как конфессиональная, так и светская, создает образцы оригинальной литературы в области сюжетов, в сфере мотивов и в наборе поэтических средств. Периоды угасания переводческих устремлений обычно влекут за собой периоды стагнации в развитии литературы и на уровне формы, и на уровне содержания.

3. В рамках рассматриваемой проблематики для монгольских народов большое значение имеют исследования в области **взаимосвязи литературы и фольклора** уже в собственно монгольском макром мире, а также отражение в них древних **мифологических представлений** тибетцев и монгольских народов.

4. Рассмотрение образцов переводной литературы приводит к пониманию того, что **книжная культура** занимает в буддизме особое место по сравнению с другими мировыми религиями. Речь здесь должна идти не только о среде служителей культа при храмах и монастырях, но именно о социуме буддистов, общины верующих — сангхе, среде мирян. Заметим, что и границы между служителями буддийской церкви и мирянами у буддистов значительно менее ярко выражены и значительно более проницаемы, нежели границы между служителями церкви и мирянами в других конфессиях — не последнюю роль в этом играла доступность обучения грамоте.

5. Другим важным вопросом является вопрос **периодизации истории монгольской литературы**.

Возможно, связь периодизации истории монгольской литературы и истории монгольской государственной идентичности и идентификации пока не осмыслена в достаточной мере ни историками, ни литературоведами, однако понятно, что во многом старт разнообразных культурных изменений у монголов связан с изменениями в хозяйстве и культуре Китая в начале царствования династии Цин. Это интуитивно осознается и в изучении культуры и литературы монголов: не случайным представляется выделение в истории монгольской литературы особого периода, приходящегося на XVII—XVIII вв. [Яцковская, 2002. С. 340], периода расцвета переводческой, просветительской деятельности буддийских священнослужителей — выходцев из монголоязычной среды. К этому времени уже был осуществлен полный перевод и издание Монгольского Ганджура, велась подготовка и в последующем был осуществлен полный перевод на монгольский язык свода Данджура [Бира, 1974. С. 64—66; Монголын уран зохиолын тойм, 1976. С. 383—386]. В вопросах перевода священных текстов в этот период заметную роль сыграли три представителя духовной династии Джанджахутухты: Агван-Чойдан (Нгаван-Чойдан) (1642—1714), Ролби-Дорджэ (Ешэй-Джалцан) (1717—1786) и Ешэй-Данби-Джалцан (Данбий-Чжалцан) (1787—1846) [Цыбиков, 1991. С. 33—34; Успенский, 2011. С. 16—19, 30 и др.]. Второй из них, Ешэй-Джалцан (Ешей-Данбий-Донмэ), вместе с перерожденцем настоятеля монастыря Галдан Галдан-ширэту-хутухтой Лобсан-Данби-Нимой (Данбий-Нимой) (1689—1772), согласно характеристике их деятельности, данной Г. Ц. Цыбиковым, были теми, кто смог довести до наивысшего развития дело переводов священных книг с тибетского на монгольский язык [Цыбиков, 1991. С. 33—34]. При этом работе по переводу буддийского канона на монгольский язык был придан государственный статус, и вся переводческая работа велась под патронажем царственных персон и высших духовных лиц.

6. Одной из проблем изучения переводной литературы следует признать проблему **датировки**, определения времени осуществления перевода того или иного сочинения. Несмотря на то что то или иное сочинение имеет колофон, в нем могли приводиться лишь частичные сведения об авторе, без указания времени составления перевода. Кроме того, колофоны могли не сохраняться при переписке или ксилографическом издании сочинения. Для выяснения точной даты приходится прибегать к косвенным данным, например к имени заказчика (мецената), каковым может оказаться известная историческая личность, соответственно, это позволяет датировать перевод.

7. Следующим важным моментом является необходимость уточнить или установить, является ли тот или иной памятник **каноническим**. Здесь следует сказать несколько слов о составе канонических сводов, количестве памятников, содержащихся в разных разделах, разных изданиях. Характерной особенностью

большинства сочинений, переведенных в указанный период, является включенность в состав канона Ганджура и Данджура. Чем отличаются переводы, выполненные теми же авторами чуть ранее или чуть позже того времени, когда формировался канон, то есть до конца 1730-х гг.? Это интереснейшая проблема современного переводоведения на монгольском материале.

Переводы произведений, входящих в канонические своды Ганджур и Данджур, оформляющие национальные версии этих сводов священных буддийских книг, во-первых, способствовали оформлению монгольского литературного языка в сфере конфессиональных текстов различных жанров, постоянно обогащая его лексику и синтаксический строй. Во-вторых, эти переводы оказали влияние на выработку и поддержание единых норм, правил и принципов переводческой работы. Осуществление таких масштабных проектов, как переводы полных сводов канонических текстов, основывалось, несомненно, на бесценном опыте более ранних переводов самых значимых произведений, представляющих на ряде примеров идейное и художественное богатство этих сводов.

Интереснейшей проблемой изучения переводной буддийской литературы в истории литературы монгольских народов представляется вопрос, какие именно переводы были включены в состав канона? Была ли у составителей свода возможность выбора между разными переводами?

Примечательно, что рукописный и печатный тексты Ганджура имеют расхождения в своем составе и содержании, и сам факт присутствия того или иного сочинения в тех или иных редакциях Канона требует комментариев и внимательного изучения по всем сводам Ганджура и Данджура. Некоторые сочинения из рукописного свода были, по воле редакторов, включены в печатный Ганджур не в строгом соответствии с порядком, прослеживаемым в более раннем рукописном издании [Введение, 1989. С. 67]. Следует отметить также, что некоторые сочинения рукописного Ганджура вовсе отсутствуют в печатном (ксилографическом) издании. Тем не менее исследователи единодушно отмечают, что хотя рукописное издание (1628—1629) и печатная версия (1717—1720) издания Монгольского Ганджура были выполнены прежде всего для религиозных целей, по своему «содержанию и роли в истории культуры Монголии он далеко выходит за эти рамки» [Там же].

8. Для исследований в интересующей нас сфере исключительно важным является не только **состав и содержание тех памятников**, которые составляют основной корпус монгольской буддийской канонической и неканонической литературы, но и живые формы бытования литературных произведений. К последним можно отнести формы чтения и переписывания текстов, их первоисточники, пути распространения и судьбы отдельных ксилографических изданий, историю отдельных городских и монастырских центров книгопечатания, судьбу сохранившихся

ся образцов рукописей и т. п. Мы рассматриваем перевод как письменный памятник (письменный источник, произведение) в его соотношении с оригиналом и в связи с особенностями исходного языка и языка перевода и с принадлежностью материала к тем или иным жанровым категориям [Федоров, 2002. С. 14]. На основании этих данных устанавливаются возможности перевода, средства и приемы, встречающиеся на практике (на материале средневековых письменных переводов), и прослеживаются закономерности в соотношении перевода и оригинала, обусловленные как особенностями исходного тибетского языка и переводящего языка (то есть монгольского и ойратского языков), так и жанровыми и индивидуально-специфическими чертами материала.

Нам приходится признать, что в настоящее время степень изученности буддийских переводных произведений на монгольских языках недостаточна. В каталогах обычно отмечаются непосредственные источники перевода (если они сохранились и установлены с достаточной степенью надежности) — в соответствии с традицией это указание делается в виде параллельного названия памятника на языке оригинала или источника монгольского перевода — или указывается язык, с которого выполнен перевод. Разумеется, этой информации может быть достаточно для краткого каталожного описания текста, но явно недостаточно для того, чтобы включить памятник в корпус изученной литературы.

Полевые исследования последних десятилетий, осуществлявшиеся на территории Калмыкии и в западных аймаках Монголии (Убсунурский, Кобдоский), где проживают современные ойраты — потомки западных монголов, на чьей основе и сложилась ойратская общность как этнополитическое образование, наглядно демонстрируют, что и сегодня образцы буддийских текстов хранятся в многочисленных частных коллекциях, являются семейными реликвиями. В ходе исследований было установлено, что количество таких текстов столь велико, а их характер (жанровая принадлежность, содержание, время создания или перевода и т. п.) настолько разнообразен, что можно сказать откровенно — о многих из сочинений, до сих пор сохраняющихся внутри ойратской сангхи в разных государствах, мы даже не имеем представления. Такие сочинения могут быть до сих пор не описанными ни в составе конфессиональных сводов, ни в имеющейся научной литературе, поскольку списки и издания отдельных текстов все еще отсутствуют в книгохранилищах, аккумулирующих буддийскую литературу монгольских народов. В подобных случаях даже краткая информация о тексте (характер рукописи, название, формат и т. п.) и тем более ее цифровая фотокопия представляют значительную ценность для исследователей.

9. Процесс перевода тибетских текстов на монгольский язык в средневековье имел неоднозначные реализации в конечном продукте перевода: как мы можем судить по известным нам образцам перевода

одних и тех же сочинений, существовало **два основных подхода к задачам перевода**. Оба эти подхода хорошо известны и описаны в теории и практике перевода хотя бы в применении к частным переводческим задачам или фрагментам переводов. Первый подход — **буквальный (дословный, пословный)**, показывающий нам высокий уровень владения языком оригинала переводимого сочинения, второй подход — **смысловой**, как мы думаем, связанный с уровнем понимания смыслов переводимого текста. При работе с образцами переводной буддийской литературы на монгольском языке иногда бывает достаточно проанализировать какой-то небольшой фрагмент текста в сопоставлении с оригиналом, чтобы понять, какой именно переводческой традиции придерживался автор, к школе какой переводческой ориентации он принадлежал. Это дает некоторые основания для группировки переводов по переводческой манере и потенциально — для соотнесения типов и манеры переводов со школами переводчиков или с индивидуальной манерой какого-то одного переводчика. Можно предположить, что один и тот же автор-переводчик принципиально не мог творить в разных манерах при переводе с одного и того же языка оригинала на один и тот же язык — в нашем случае монгольский, поскольку его выбор, очевидно, был продиктован целым рядом сопутствующих факторов, формировавших стиль переводчика. Среди этих факторов немаловажно указать на установки передачи сакрального текста, степень знания языка оригинала, собственное отношение к поэтике оригинала и перевода, к содержанию текста и т. п. Не менее интересно также проследить, имели ли место отступления от основного подхода к переводу в творчестве одного и того же автора (на разных этапах его жизни) или в пределах одного из его произведений.

Если существовали рекомендации строго следовать тексту оригинала, тем более при очевидной возможности выбора среди разных переводов, то возникает вопрос, не являлись ли дословные переводы более предпочтительными для включения в канон?

10. **Принципы перевода сакральных буддийских текстов** у монгольских книжников и переводчиков, регламентировавшиеся строгими правилами, представляют собой следующий важный момент в изучении переводной литературы. Причем эти правила были зафиксированы в особой форме в целом ряде терминологических словарей. Главным в ряду этих словарей по праву считается тибетско-монгольский терминологический словарь «Источник мудрецов» (монг. *Merged yarqu-yin ogon*), сыгравший роль «руководящего пособия» при переводе второй части буддийского канона на монгольском языке [Владимирцов, 1926. С. 32; Источник мудрецов, 1968. С. 3; Цэрэнсодном, 1970. С. 158; Rinčingava, Sečenčoytu, 1983; Введение, 1989. С. 80; Цыбиков, 1991. С. 33—34; Успенский, 2011. С. 251—252]. В нем не только были представлены соответствия, указано, какое слово (термин, эпитет, оборот) как переводить, какой подбирать к нему эквивалент, но содержались также

правила перевода с классического тибетского языка на монгольский язык [Музраева, 2013. С. 20—32]. Составлению указанного словаря, относящегося к первой трети XVIII в., предшествовало почти целое столетие правления в Китае династии маньчжурских императоров, которые оказывали покровительство тибетскому буддизму и способствовали распространению его в Пекине, а также у сопредельных народов, прежде всего у монголов [Успенский, 2011. С. 4—5]. Ярким свидетельством этого является издание книг на монгольском языке, инициированное маньчжурским императорским двором в начале XVIII в. Так, в 1717—1720 гг. по приказу императора Канси (1662—1723) в Пекине был отпечатан свод Ганджура. Это событие произошло практически спустя столетие после первого перевода Ганджура (1628—1629), осуществленного во времена чахарского Лигдэн-хана (1592—1634) [Введение, 1989. С. 80]. Вслед за Канси следующие маньчжурские императоры оказывали покровительство буддийским монахам и содействовали переводам на монгольский язык священных книг, а также других сочинений, имеющих отношение к буддийскому вероучению. Император Цяньлун (1736—1796) понимал, что издание буддийских канонических сводов и перевод их на монгольский язык отвечают политическим интересам династии [Источник мудрецов, 1968. С. 9, 17].

11. Другая сторона практики переводов и сами характеристики текстов были связаны с необходимостью следовать в переводе **средневековой поэтике**, искусству «украшения языка». В этой связи необходимо сказать несколько слов о труде древнеиндийского писателя и теоретика литературы VI—VII вв. Дандина «Кавьядарша» (*монг.* Зохи́ст аялгууны толь), перевод которого был включен в состав Монгольского Данджура (205-й том). Нормы поэтического стихосложения, зафиксированные в санскритской литературе, были известны тибетцам [Савицкий, 1983; Музраева, 2001; Зорин, 2010], а вместе с конфессиональной литературой получили известность и у монголов [Хүрэлбаатар, 1995], где поддерживались за счет сохранения монголо-тибетского двуязычия образованной среды. Монгольский перевод этого теоретико-литературного сочинения, выполненный Гуши Нгелег Джалцаном, непосредственным учеником Джебзун Дамба хутухты, в дальнейшем был переработан и дополнен геше Тавхаем. Эта редакция была опубликована Б. Ринченем [Дандийн зохи́ст аялгууны толь, 1972].

Идеи Дандина затрагивают процесс подбора поэтических образов для передачи определенных явлений, предметов и т. п. Так, согласно Дандину, следует помнить о соотношении прозы и поэзии, то есть сочинение, в котором нет явного проявления формальных признаков стихотворной строфы (аллитерации, равенности строк строфы и т. п.), тем не менее может быть отнесено к образцам литературного поэтического творчества. Ключом, критерием для такого анализа служат те признаки поэзии, о наличии которых писал Дандин. При этом учет исключи-

тельно метрики стиха не позволяет расценивать анализ переводного сочинения как исчерпывающий.

Словари, которыми мы располагаем, представляют нам норму [Dag yig, 1988; gSal ba'i sgron me; Zla ba'i 'od; Владимирцов, 1926а; Источник мудрецов, 1968; Яхонтова, 2010 и др.], но переводческая практика и ее результаты, особенно отстоящие по времени от издания словарей, могут существенно отличаться от словарных рекомендаций. Поэтому, на наш взгляд, наиболее полным представляется такой анализ, который бы учитывал и владение поэтическим словом, умение передать мысль первоисточника, подбирая не просто подходящую лексику, но и соответствующую описательную лексику, в конечном итоге позволяющую создать яркие образы, воздействующие на читателя (слушателя). Поэтому, не учитывая того, к каким приемам прибегает тот или иной автор, в соответствии с тем, о чем давал исчерпывающий комментарий Дандин в своем труде, а в последующем и комментаторы и переводчики [Дамдинсүрэн, 1987], невозможно считать исследование достаточно полным и объективным.

12. Одним из важных моментов в описании литературного процесса у монгольских народов в средневековье и период нового времени является исследование **жанровой принадлежности** произведений. Проблема определения и теоретического осознания особенностей жанров, по мнению востоковедов, присутствует, возможно, только в русле определенной для каждой эпохи и каждой литературы поэтики [Теория жанров, 1985; Специфика жанров, 1985]. Становление литературных жанров в разных культурных традициях, как правило, начинается с функциональных жанров [Теория жанров, 1985. С. 8]. Изучение образцов переводной литературы показывает, что система жанров и их характеристики в литературе оригинала и литературе перевода могут не совпадать. Переводимые жанры ложатся сами или укладываются при придумывании для них названий в систему жанров той традиции, на язык которой осуществляется перевод. При этом переводы чисто светских произведений, например обрамленных повестей, составляют отдельный сюжет в исследованиях.

13. Особую страницу в изучении переводной литературы должно занять исследование **индивидуальной переводческой техники**, присущей тому или иному автору.

Переводческая деятельность монгольских и ойратских лам в ранние периоды распространения буддизма среди монгольских племен во многом была инициирована непосредственно практической задачей — необходимостью распространения буддийского вероучения среди разных групп монголов и ойратов, заселяющих огромные труднодоступные территории, а также задачей создания национального канона — монгольского Ганджура и Данджура. Позднее и отчасти параллельно с этим процессом практика переводов буддийских сочинений преследовала задачи знакомства с новыми произведениями, что удерживало весь ареал распространения буддиз-

ма — хотя бы северного буддизма махаяны — в его философской, литературной и художественной целостности. Переводческая практика в приложении к религиозным текстам решала также задачи стимулирования творчества местных лам и гелюнгов, для которого в буддизме при отсутствии конфессиональной цензуры изначально существовала почти абсолютная свобода. Наконец, в последние годы в задачи практики перевода входило возмещение корпуса буддийских сочинений, которому был нанесен непоправимый урон в ходе кампаний по борьбе с религией, а для калмыков — и в ходе депортации и ссылки 1943—1958 гг.

Творчество многих талантливых переводчиков средневековья из среды просвещенных монгольских лам — а переводческая работа на любом уровне и в приложении к любому тексту является творчеством — остается на сегодня практически малоизученным. Как научная задача продолжает оставаться актуальным сбор данных (сведений) о творчестве отдельных авторов и отдельных школ и направлений, а также анализ творческого наследия (собрания) одного автора, критерии его установления (атрибуции переводов и исследования их археографии).

Дальнейшее лингвистическое и в целом филологическое изучение буддийских переводных произведений выдвигает на первый план принципиально новые задачи исследования — характеристику практики и техники перевода, степень устойчивости переводных эквивалентов и вариативность передачи отдельных лексических единиц, степень точности перевода и его зависимости от языковой фактуры оригинала, уровень языковой компетенции каждого из переводчиков, влияние языка и стиля оригинала на характер перевода и многие другие подобные проблемы. В истории монгольскоязычной переводной литературы они еще не исследованы в достаточной степени и даже не осмыслены.

Несмотря на то, что существовали единые правила и нормы перевода, заданные в образцах, и каждый из переводчиков, казалось бы, должен был прибегать к одним и тем же лексическим соответствиям, тем не менее, как показывает анализ переводов одного и того же тибетского сочинения разными монгольскими авторами, выполненных иногда практически в одно и то же время, то есть в один и тот же хронологический период истории языка, истории литературы и истории культуры, что, казалось бы, обязывало их соблюдать единство канонов, переводчики оставались свободны в выборе и употреблении той или иной морфологической формы, в соответствии с тем, какой именно подход был заложен в основу перевода данным переводчиком или той школой, к которой он принадлежал.

14. Одним из ключей понимания особенностей переводной литературы могут послужить традиции переводов, присущие той или иной **переводческой школе**. Переводчики священных буддийских книг — а это и рядовые священнослужители, и делившиеся приобретенными знаниями в разных сферах дея-

тельности настоящие учителя, примером которых был и остается Зая-пандита Намкай Джамцо (1599—1662), — в своей практике не только накапливали бесценный опыт работы по переложению текстов с одного языка на другой и передавали своим ученикам знание языков, круг освоенных текстов и навыки перевода, но и обобщали этот опыт в форме специальных филологических сочинений. Как свидетельствует история появления и распространения среди монголов известных классических сочинений, привнесенных в составе буддийской религиозной литературы из литературы Древней Индии, переводы, даже если они включены в состав канона и одним этим возведены в разряд непререкаемых авторитетных трудов, в последующие периоды подвергались, тем не менее, переработке, уточнению, пояснению и дополнению.

Издание словаря «Источник мудрецов» и знакомство с его текстом не только дает нам ключ к технике перевода и обучению переводческой технике, но и открывает для нас возможность наблюдать степень решения практических задач стандартизации языка переводов и устойчивости переводческих решений-клише, заданных этим словарем в качестве нормы для переводчиков следующих поколений. Однако существование таких нормативных пособий оставляло переводчикам определенную свободу в рамках той или иной переводческой школы.

15. В основу анализа переводного произведения должны быть положены данные **текстологического анализа** вариантов существующих переводов (рукописных и печатных), позволяющих в известной мере восстановить ход творческой мысли переводчика.

16. Объем материала, с которым приходится иметь дело исследователям переводной литературы, оказывается и без того на порядок большим, чем у исследователей оригинальной литературы (за каждым переводом стоит поиск оригинала на уровне текста, группы списков, редакций и т. п.). Если учесть, что один автор мог выступить автором-переводчиком целой серии сочинений, то этот объем увеличивается в несколько раз. Поэтому современные текстологические исследования немыслимы без использования **компьютерных технологий**, позволяющих иметь дело с большими массивами текстов на разных языках, одновременно составлять глоссарии (словники, словари) к переводам отдельных сочинений и отдельных авторов. Такие словари позволяют работать с большими объемами лексического материала и надежно оценивать степени сходства отдельных текстов, фиксирующих идиолект переводчика, а также характер различий разных переводов текста или перевода разных текстов. Изучение реальных межъязыковых соответствий дает возможность расширять объемы языковых эквивалентов в переводах по сравнению с «Источником мудрецов», и как раз в этих отклонениях кроется материал для атрибуции переводов, установления авторов переводов или

принадлежности текста к той или иной переводческой школе.

Вероятно, в будущем для решения проблем изучения языка переводных буддийских литературных памятников в контексте истории литературы монголоязычных народов и в рамках истории монгольских письменных литературных языков предстоит решить комплекс взаимосвязанных задач, представляющих разные направления исследования. Изучение языка тибетских оригиналов и монгольских переводов при помощи современных информационных технологий позволит составить словник к оригинальным текстам и их переводам, которые в дальнейшем могут быть объединены в тибетско-монгольско-русский словарь с указанием монгольских эквивалентов для тибетских слов в приложении к каждому конкретному памятнику. При этом факты однородной эквивалентности, противопоставляющиеся примерам вариантно-

сти передачи тибетских слов лексическими средствами монгольского литературного языка, могут рассматриваться как свидетельство однородности генезиса тех или иных групп переводов и, следовательно, деятельности каких-то конкретных переводческих школ или отдельных переводчиков. Вполне возможно, что начинать подобное исследование целесообразно с обращения к переводческому наследию ойратского Зая-Пандиты.

Из всего вышесказанного следует, что переводная литература занимает особое место в составе письменного наследия монголов и ойратов и имеет собственную парадигму внутри истории монгольской и ойратской литератур раннего периода, а также самостоятельные ветви истории в историко-литературном контексте вплоть до современности, конкретно — до последней четверти XX в.

Использованная литература

- Бира, 1974: *Бира Ш.* К вопросу изучения буддийского литературного наследия монголов // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улаанбаатар, 1974. X. 63—67 (*Bira Sh.* K voprosu izucheniya buddiyskogo literaturnogo nasledija mongolov // Rol' kochevykh narodov v tsivilizatsii Central'noy Azii. Ulaanbaatar, 1974. N. 63—67).
- Будон, 1999: *Будон Ринчендуб.* История буддизма (Индия и Тибет) / Пер. с тиб. Е. Е. Обермиллера, пер. с англ. А. М. Донца. СПб., 1999 (*Budon Rinchendub.* Istoriya buddizma (Indiya i Tibet) / Per. s tib. E. E. Obermillera, per. s angl. A. M. Donca. SPb., 1999).
- Введение, 1989: Введение в изучение Ганчжура и Данчжура: Историко-библиографический очерк / Болсохоева Н. Д., Ванчикова Ц. П., Дашиев Д. Б. и др. / Отв. ред. Р. Е. Пубаев. Новосибирск, 1989 (*Vvedenie v izuchenie Ganchzhura i Danchzhura: Istoriko-bibliograficheskii ocherk* / Bolsohovieva N. D., Vanchikova C. P., Dashiev D. B. i dr. / Отв. red. R. E. Pubaev. Novosibirsk, 1989).
- Владимирцов, 1926: *Владимирцов Б. Я.* Монгольский Данджур // Доклады АН СССР. 1926, № 2. С. 31—34 (*Vladimircov B. Ja.* Mongol'skiy Dandzhur // Doklady AN SSSR. 1926, N 2. S. 31—34).
- Владимирцов 1926a: *Владимирцов Б. Я.* О тибетско-монгольском словаре Li-çihî gur-khañ // Доклады Академии наук СССР. Март—апрель. Л., 1926. С. 27—30 (*Vladimircov B. Ja.* O tibetsko-mongol'skom slovare Li-çihî gur-khañ // Doklady Akademii nauk SSSR. Mart—aprel'. L., 1926. S. 27—30).
- Владимирцов, 2003: *Владимирцов Б. Я.* Монгольская литература // Работы по литературе монгольских народов. М., 2003 (*Vladimircov B. Ja.* Mongol'skaya literatura // Raboty po literature mongol'skih narodov. M., 2003).
- Герасимович, 2006: *Герасимович Л. К.* Монгольская литература XIII—начала XX в. (материалы к лекциям). Элиста, 2006 (*Gerasimovich L. K.* Mongol'skaja literatura XIII—nachala XX v. (materialy k lektsiyam). Elista, 2006).
- Дамдинсүрэн, 1987: *Дамдинсүрэн Ц.* Дандины «Зохист аялгууны толь» ба түүний тайлбаруудын тухай товч мэдээ // Монголын уран зохиолын харилцаа холбооны асуудалд (Өгүүллийн эмхтгэл). Улаанбаатар, 1987. С. 6—21 (*Damdinsuren C.* Dandiny «Zohist ayalguuny tol'» ba tuuniy taylbaruudyn tuhaytovch medee // Mongolyn uran zohiolyn hariltasa holboony asuudald (Oguulliy emhtgel). Ulaanbaatar, 1987. S. 6—21).
- Дандийн зохист аялгууны толь, 1972: Дандийн зохист аялгууны толь (Dandiyn zohist ayalguuny tol') [*Dandin. Kavyadarsa*] / Redigit Y. [B.] Rintshen // Corpus Scriptorum Mongolorum. T. XVIII. Fasc. I. Улаанбаатар, 1972.
- Зорин, 2010: *Зорин А. В.* У истоков тибетской поэзии. Буддийские гимны в тибетской литературе VIII—XIV вв. СПб., 2010 (*Zorin A. V.* U istokov tibetskoy poezii. Buddiyskie gimny v tibetskoy literature VIII—XIV vv. SPb., 2010).
- Источник мудрецов, 1968: *Источник мудрецов.* Тибетско-монгольский терминологический словарь буддизма. (Dag yig mkhas pa'i 'byung gnas) / Подгот. текста, пер. и примеч. Р. Е. Пубаева и Б. Д. Дандарона. Парамита и Мадхьямика. Улан-Удэ, 1968 (*Istochnik mudrecov. Tibetsko-mongol'skiy terminologicheskii slovar' buddizma.* (Dag yig mkhas pa'i 'byung gnas) / Podgotovka teksta, per. i primech. R. E. Pubaeva i B. D. Dandarona. Paramita i Madh'jamika. Ulan-Ude, 1968).
- Кычанов, Мельниченко, 2005: *Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н.* История Тибета с древнейших времён до наших дней. М., 2005 (*Kuchanov E. I., Mel'nichenko B. N.* Istorija Tibeta s drevneyshih vrem'on do nashih dnei M., 2005).
- Монголын уран зохиолын тойм, 1976: Монголын уран зохиолын тойм. II дэвтэр (XVII—XVIII зууны үе) / Ред. Ц. Дамдинсүрэн, Д. Цэнд. Улаанбаатар, 1976 (*Mongolyn uran zohiolyn toym. II devter* (XVII—XVIII zuuny ue) / Red. C. Damdinsuren, D. Cjend. Ulaanbaatar, 1976).
- Музраева, 2001: *Музраева Д. Н.* К вопросу о структурно-композиционном построении тибетских стихов (на материале «тайной» биографии sTag-phu-ba Blo-bzang Bstan-pa'i rGyal-mtshan'a) // Вестник КИГИ РАН. № 16. Элиста, 2001. С. 115—122 (*Muzraeva D. N.* K voprosu o strukturno-kompozitsionnom postroenii tibetskih stihov (na materiale «tainoy» biografii sTag-phu-ba Blo-bzang Bstan-pa'i rGyal-mtshan'a) // Vestnik KIGI RAN. N 16. Jelista, 2001. S. 115—122).

- Музраева, 2013: *Музраева Д. Н.* Тибето-монгольская повествовательная литература XVII—XVIII вв. (Переводные письменные памятники на монгольском и ойратском языках). Элиста, 2013 (*Muzraeva D. N. Tibeto-mongol'skaja povestvovatel'naja literatura XVII—XVIII vv.* (Perevodnye pis'mennye pam'atniki na mongol'skom i oyratskom yazykah). Elista, 2013).
- Савицкий, 1983: *Цаньян-джамцо*. Песни, приятные для слуха / Изд. текста, пер. с тиб., исслед. и коммент. Л. С. Савицкого. М., 1983 (*Can'jan-dzhamco. Pesni, priyatnye dl'a sluha / Izdanie teksta, perevod s tibetskogo, issledovanie i kommentariy* L. S. Savickogo. M., 1983).
- Специфика жанров, 1985: Специфика жанров в литературах Центральной и Восточной Азии. Современность и классическое наследие. М., 1985 (*Specifika zhanrov v literaturah Central'noy i Vostochnoy Azii. Sovremennost' i klassicheskoe nasledie*. M., 1985).
- Теория жанров, 1985: Теория жанров литератур Востока. М., 1985 (*Teoriya zhanrov literatur Vostoka*. M., 1985).
- Успенский, 2011: *Успенский В. Л.* Тибетский буддизм в Пекине. СПб., 2011 (*Uspenskiy V. L. Tibetskiy buddizm v Pekine*. SPb., 2011).
- Федоров, 2002: *Федоров А. В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 5-е изд. М., 2002 (*Fedorov A. V. Osnovy obshhey teorii perevoda (lingvisticheskie problemy)*. 5-e izd. M., 2002).
- Хүрэлбаатар, 1995: *Хүрэлбаатар Л.* Монгол орчуулгын товчоон (Сонгодог орчуулгын зарчим, уран чадварын асуудал). Улаанбаатар, 1995 (*Hurelbaatar L. Mongol orchuulgyn tovchoon (Songodog orchuulgyn zarchim, uran chadvaryn asuudald)*. Ulaanbaatar, 1995).
- Цендина, 2002: *Цендина А. Д.* ... и страна зовется Тибетом. М., 2002 (*Tsendina A. D. ... i strana zovets'a Tibetom*. M., 2002).
- Цыбиков, 1991: *Цыбиков Г. Ц.* О монгольском переводе «Лам-рим чэн-по» // Избранные труды: в 2 т. 2-е изд., перераб. Т. 2: О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии. Новосибирск, 1991. С. 26—49 (*Tsybikov G. C. O mongol'skom perevode «Lam-rim chen-po» // Izbrannyye trudy: v 2 t. 2-e izd., pererab. T. 2: O Central'nom Tibete, Mongolii i Buryatii*. Novosibirsk, 1991. S. 26—49).
- Цэрэнсодном, 1970: *Цэрэнсодном Д.* Монгол Данжурын тухай // Хэл зохиол судлал. 1970. Т. 7. Fasc. 5. P. 151—163 (*Cerjensodnom D. Mongol Danzhuryn tuhay // Hel zohiol sudlal*. 1970. T. 7. Fasc. 5. P. 151—163).
- Яхонтова, 2010: Ойратский словарь поэтических выражений / Факсимиле рукописи, транслит., введ., пер. с ойрат., словарь с коммент., прилож. Н. С. Яхонтовой. М., 2010 (*Oiratskiy slovar' poeticheskikh vyrazheniy / Faksimile rukopisi, transliteratsiya, vvedenie, perevod s oiratskogo, slovar' s kommentariyami, prilozheniya* N. S. Yakhontovoj. M., 2010).
- Яцковская, 2002: *Яцковская К. Н.* Монгольская литература // Изучение литератур Востока: Россия, XX в. М., 2002. С. 335—361 (*Yatskovskaya K. N. Mongol'skaya literatura // Izuchenie literatur Vostoka: Rossiya, XX v. M., 2002. S. 335—361*).
- Dag yig, 1988: *Dag yig mkhas pa'i 'byung gnas*. Merged yarqu-yin oron. janggiy-a Isidanbirome jokiyaba. Jamyantüden joriyту kinaju tayilburilaba // *Mongyol tulγur bičig-ün čuburil*. Begejing, 1988.
- gSal ba'i sgron me: brDa yig ming don gsal ba'i sgron me zhes bya ba (Nere udq-a-yi geiyigülügči jula kemegekdü dokiyan-u bičig) / Словарь, именуемый «Лампада, разъясняющая смысл слов и названий слов». Автор — Г.-Ж. Тугулдуур. Ксилограф, тибетский текст с монгольским подстрочником / Научный архив КИГИ РАН, шифр ФД-8 (Фонд редких рукописей). Оп. I, ед. хр. 133. 220 л. (Slovar', imenuemyi «Lampada, razyasnyayushhaya smysl slov i nazvaniy slov»). Avtor — G.-Zh. Tuguldurov. Ksilograf, tibetskiy tekst s mongol'skim podstrochnikom / Nauchnyi arkhiv KIGI RAN, shift FD-8 (Fond redkikh rukopisey). Op. I, ed. khr. 133. 220 l.).
- Rinčingava, Sečenöyту, 1983: Merged yarqu-yin oron. Rinčingava, Sečenöyту tobčilan emkidkebe. [Kökeqota:], 1983.
- Snellgrove, Richardson, 1968: *Snellgrove, D. L., Richardson, H.* A Cultural History of Tibet. London, 1968.
- Tibet, 1986: *Tibet. A Handbook*. H. Hoffman in collaboration with S. Frye, Thubten J. Norbu, Ho-chin Yang. 2nd printing. Bloomington, 1986.
- Zla ba'i 'od: brDa yig ming don gsal bar byed pa'i zla ba'i 'od snang zhes bya ba bzhugs so (Төвд монгол толь бичиг). Автор — Ngag dbang bstan dar (Алашаньский Дандарлхарамба / Агван-Дандар). Улаанбаатар, [б. г.] ((Tөvd mongol tol' bichig). Avtor — Ngag dbang bstan dar (Alashan'skij Dandar lharamba / Agvan Dandar). Ulaanbaatar, [b. g]).

Delyash N. Muzraeva
Comparative researches of the Mongolian and Oirat translations
of the Buddhist literature (the basic problematics)

The subject of the article makes a complex of the problems connected with studying of translations of works of the Buddhist literature on Mongolian and Oirat languages. The author marks an important role of translation works of the Buddhist literature for the history of literature of Mongols and researches in the spheres of literary and cultural contacts in the Central Asia. Main objectives and research problems of translation literary works on Mongolian and Oirat languages are represented in the article in the form of separate declarations connected with the decision of shared problems on a material of various texts translated into Mongolian and Oirat languages.

Key words: the Buddhist literature, Mongolian and Oirat translations, research problems.